

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть II

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

j, i = -n, -ng

o = s (z?)

y = подставка для гласных и дифтонгов в начале слова

v = f

ɣ = ch? c ? (ср. иуд.-ит.)

w = sh, x, s

ɳ = t (в иных иудейских языках обычно используется ʔ)

Общий вывод: иудейско-китайская запись является своеобразным приближенным фонетическим способом с единичными элементами древнееврейской орфографии, отличающимся исключительно малой читабельностью, с частой омографией (𐤅𐤓 = jin, jing). Из гласных на письме не отмечается "а". Слитное или раздельное написание слогов произвольно.⁴

1. И.Н.Воевуцкий. Орфографические принципы конфессиональных языков. - III и ПИКНВ XXI/П, 1987, с. 53-56; он же. Палеография иудейско-итальянских текстов. - ППВ 1978-1979. М., 1987, с.34-44.

2. D.D.Leslie. The Chinese-Hebrew memorial book of the Jewish community of K'aifeng. Canberra, 1984.

3. Там же, с. 229.

4. Сведениями по китайской диалектологии автор обязан С.Е.Яхонтову.

Ю.А.Иоаннесян

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ МЕСТОИМЕННОЙ ЭНКЛИТИКИ В ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В ряде иранских языков и диалектов отмечена местоименная энклитика 3-го лица единственного числа (далее ед.ч.) в форме -i. Например, в гератском диалекте дари она соответствует -eš/-aš литературного дари и кабульского диалекта и используется в следующих функциях: а) определительной - *gōšdarun vârxatâ šod, rang-i parid** "пастух растерялся, он побледнел (букв. его цвет исчез)"; б) объектной - *i šâ Abbâvi xêli gar-i geruf* "этим шахом Аббасом овладел сильный гнев (букв. этот шах Аббас, им овладел сильный гнев)"; в) субъектной - *yak avr-e šâ bâ zamin kor, bâm var sang*

* Материал по гератскому диалекту собирался автором в Афганистане в 1979-1981 гг.

ke barasid-i bə zamin xog "одна из моих лошадей свалилась на землю, как только она подошла к камню, упала на землю".

Эта форма энклитического местоимения в гератском диалекте возникла из личного (= указательного) местоимения того же лица и числа -i < in, которое, употребляясь энклитически, со временем вытеснило прежнюю форму -aš/-eš,¹ известную по другим диалектам ареала дари-персидского-таджикского языков. Происхождение энклитики -i (варианты -ê/-ê) из указательного (и личного) местоимения i подтверждается здесь следующими фактами:

1) аналогичное развитие энклитики из другого личного (= указательного) местоимения 3-го лица ед.ч. - u (-u/-o/-u/-eo): i vishorg did ke jujâhâ-yu ġargar mîkâe "эта [птица-] Симург услышала (букв. увидела), что ее птенцы кричат";

2) появление согласного =n у энклитики в позиции перед предикативной связкой, что нельзя объяснить иначе, чем восстановлением исторического n личного (и указательного) местоимения in: âkesh, xod-i ni-ye, ġamândân ba jâ-in-e "самого правителя нет, вместо него - командир [воинской части] есть", arġe ke as a xod-in-e "все, что есть, - его (букв. его самого есть)";

3) энклитическое местоимение 3-го лица множественного числа -inâ/-ino/-ênâ не оставляет сомнения в том, что оно возникло путем прибавления показателя множественного числа -â к местоимению in: inji zaminâ-inâ nâkâr mun "земли их остались здесь необработанными". Ср. соответствующую форму личного местоимения, образованную тем же способом: inâ hamê wîtamîn mîġân wîtamîn dârê, digê ni-ye, dâktar saweb? "говорят, что все они (фрукты) обладают витаминами, не так ли, господин доктор?";

4) постепенный переход от личного местоимения к энклитическому можно наблюдать на примере фраз, где местоимение сходно с личным тем, что изафет при нем еще не утрачен, однако использование формы единственного числа в значении множественного сближает его с энклитиками: amî sawârkârâ bâlê asp-e xo, nêuze bâm daste-in-e "эти всадники - верхом на лошадях, в их руке - копьё."² Ср. соответствующую форму энклитики в той же функции в кабульском диалекте: ar-seš ġir-âmad "все трое были схвачены"³ (букв. "все трое из них").

Появление более открытых фонетических вариантов энклитики 3-го лица как единственного, так и множественного числа -ê/-ê; ênâ объяснимо влиянием носового n (с последующим его отпадением в единственном числе), в соседстве с которым гласный i гератского диалекта имеет явную тенденцию к расширению: -in > -ên/-ên > -ê/-ê.⁴

В языке северо-азербайджанских татов встречаем то же явление

- развитие энклитического местоимения 3-го лица ед.ч. из личного (= указательного): *bəlʔq di ki kar i rīs-ŷ* "рыба увидела, что ее дела плохи".⁵ В пользу возведения этой энклитики к личному местоимению соответствующего лица и числа говорит здесь не только их полное фонетическое совпадение, но и то обстоятельство, что в татских говорах все местоименные энклитики восходят к соответствующим формам личных местоимений: *mənʔ kitáb mən; tʔrʔ kitáb tʔ;* *kitáb i,* (северные говоры) *kitáb yu,*⁶ *kitáb yū;* *kitáb mun; kitáb šmun;* *kitáb šun* "моя, твоя, его, наша, ваша, их книга". Ср. личные местоимения: *mən; tʔ; i;* северные говоры: *ŷ; y; (i)šu(n); (i)šmu(n); (i)šun;* указательные: *i(n), (u)n.*⁷

Использование личных (и указательных) местоимений в качестве энклитических не является столь необычным в иранских диалектах юго-западного типа. Ср. систанский диалект персидского языка (включая его серахский говор): *var-n-a* (-n < on "этот, он") "его голова", *bre-y-u* (u "он") "его брат".⁸

Однако в ряде других иранских диалектов форма 3-го лица ед.ч. энклитических местоимений, фонетически совпадающая с описанными выше (-i), не может быть возведена к личному или указательному местоимению. Это относится, в первую очередь, к многочисленным северо-западным диалектам (в том числе изолированным):

1) белуджским: *ra ĩnka zināy-ī?* "за сколько купишь его?" (-i - местоименная энклитика 3-го лица ед.ч. при личных-указательных местоимениях *eš, e* "этот, он", *ā* "тот, он").⁹

2) курдским - сорани: *dayk-ī*¹⁰ "его мать" (-i - энклитика, ср. *eš* "эта, этот", *ew* "та, тот, он");¹¹ сулеймани: *Bešē ziman-ī beštra* "у Басе [от страха] отнялся язык (букв. Басе язык ее/у нее завязался)" (-i¹² - энклитика, ср. *eš, ew* "этот; тот, он")¹³ и др.

3) селения Калун-Абду: *hun mākuš, gunāh-i šā?* "не убивай его, в чем его вина?" (-i - энклитика, ср. *hā* "этот", *hun* "тот, он").¹⁴

4) селения Абян¹⁵: *guš-i* "его ухо" (-i - энклитика, ср. *nēn* "этот", *nūn* "тот", *hā* "он").¹⁶

5) деревни Кохруд: *šeš rūgā rūr-ei bazeinōdā* "шесть дней, как родила сына (букв. своего сына - Ю.И.), *duš-ei véreide dhē ábürmē* "дочь ее сидит перед ней и плачет" (-ei - энклитика при *nō* "этот", *nūn* "тот, он").¹⁷

Та же энклитика выражает в некоторых диалектах лицо и число субъекта в предложениях с глагольными формами, образованными от претеритальных основ: курдских (только с переходными глаголами) -

сулеймани: *girt-i* "он схватил",¹⁸ мукри" *kurākā ž·n-i dit* "мальчик увидел женщину";¹⁹ белуджских: *dušmān-ī dāt-ī* "он стал ее ругать", *jista na kurt-ī* "не смог убежать";²⁰ селения Абиан: *vāt-i* "он сказал";²¹ деревень Хор и Михриджан: *ew ikerd-i* "он сделал"²² и др.²³ Ср. аналогичное явление в некоторых памирских языках шугнано-рушанской группы: рушанский - *šu-yi qīwt* "меня вызвал", *ḫēwt-i* "он прочел"²⁴ (-i - показатель 3-го лица ед.ч., возникший из энклитического местоимения,²⁵ ср. указательные местоимения трех степеней удаленности, они же личные 3-го лица ед.ч.: *yim, yid, yā*²⁶); бартангский - *zōxt-i* "он взял";²⁷ сарыкольский - *yū-yi buxt* "он послал" (-yi - описанный выше показатель, *yū* - личное местоимение 3-го лица ед.ч. и указательное дальней степени, ср. *yad, yam* - соответственно средней и ближней степеней).²⁸ В ваханском, иш-кашимском и язгулямском (в последнем в форме -*ay*) этот показатель факультативен.²⁹

Как полагает Д.И.Эдельман, прототипом -i в памирских языках скорее всего послужила указательная местоименная энклитика родительного-дательного падежа единственного числа **hai* (ср. авестийское *hē, hē*). К ней же возводит Р.Л.Цаболов -ī в курдском.³⁰

Бросается в глаза сходство описанного выше энклитического показателя с местоименной энклитикой 3-го лица ед.ч. в некоторых среднеиранских языках восточной группы - хорезмийском, хотаносакском, бактрийском. Ср. хорезмийский -i *vasiyat-hi* "его завещание", *yā rusā-hi* "его борода";³¹ хотаносакский - *ttarandar-i* "его тело", *vāt-i* "к нему"³² и т.п. Исследователи также возводят ее к древнеиранскому **hai* (авестийское *hē, hōi*).³³ В древнеперсидском местоименная энклитика в форме *hē* не засвидетельствована (ей соответствует *šaiy*).³⁴

Таким образом, иранские диалекты, в которых местоименная энклитика 3-го лица ед.ч. выступает в форме -i (с возможными фонетическими модификациями), можно разделить на две группы: большую, состоящую из многочисленных восточных и северо-западных иранских диалектов, и меньшую, объединяющую отдельные диалекты юго-западного типа (татские, гератский). Первые характеризуются следующими особенностями: а) невозможность возведения на синхронном уровне энклитики -i к личному или указательному местоимению; б) соотносимость ее с авестийским *hē, hōi* < **hai*. Вторые: а) явная соотносимость местоимения -i с личным (и указательным) местоимением того же лица и числа (см. выше); б) с учетом того, что для юго-западных диалектов закономерны формы, продолжающие древнеперсидскую линию развития, крайняя проблематичность этимологической связи между энклитикой -i и авестийским *hē*.

Таким образом, правомерно заключить, что -i в восточных и северо-западных иранских диалектах и фонетически совпавшее с ним энклитическое местоимение в рассмотренных выше диалектах юго-западного типа суть разные по происхождению морфемы.

1. Указание на то, что в более раннюю эпоху в гератском диалекте в качестве энклитического местоимения 3-го лица ед.ч. выступала именно эта форма, содержится у В.А.Иванова (W.Ivanow. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat. - JBAS, 1923, pt. I, 3, с. 33-34).
2. Превращению личных местоимений в энклитические, очевидно, способствовало широкое распространение атрибутивных сочетаний с личным местоимением, образованных при посредстве предлога az: zanâ-ye az i "его жены". Постепенный переход от подобных сочетаний к энклитическому использованию личных местоимений, наблюдающийся порой в рамках одной фразы, представляется вполне простым: pust-eu... a taraf-e šarwali...šigirâ pust-e az u "его (барана) шкуру забирает городской муниципалитет", am ar šiz-i ke bam gir-e az i bçuaye mida bš baššâ xord, bam kalunâ, bâ âxundâ, bâ mollââ "и все, что [ни] попадется ему под руку, отдает малым детям, взрослым, ахундам, муллам", ср. bara unji kâr kone tâ yak šiz-i be gir-i bçuaye "пусть пойдет, поработает там, пока не заработает немного [денег] (букв. что-нибудь)".
3. Р.Фархади. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974, с. 85.
4. Ю.А.Иоаннесян. Диалект современного дари района г.Герата (фонетика, морфология). Автореф. дис... канд. филол. наук, М., 1987, с. 6.
5. А.Л.Гринберг. Язык северо-азербайджанских татов. Л., 1963, с. 39. Здесь и далее примеры приводятся в транскрипции авторов указанной литературы.
6. Как отмечает А.Л.Гринберг, начальный У энклитики, очевидно, остаток изафетного показателя. См. там же.
7. Там же, с. 38-39, 41. См. также А.Л.Гринберг. Л.Х.Давыдова. Татский язык. ОИЯ. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982, с. 257.
8. G.Lazard. Morphologie du verbe dans le parler Persan du Sistan. Studia Iranica, 1974, t. 3, fasc. I, с. 83; А.Л.Гринберг. Систанский диалект в Серахее. - КСИИЯ, 1963, т. 67, с. 84.
9. С.Н.Соколов. Язык бедуджей Советского Союза. ТИЯ АН СССР, вып. VI, М., 1956, с. 70-71.
10. Здесь и далее энклитика отделена дефисом и в тех случаях,

когда авторы указанной литературы следуют принципу ее слитного написания со словом, которое она оформляет.

- II. К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978, с. 100, 109-111.
12. Точнее -i(y).
13. З.А.Юсупова. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985, с. 53, 57, 116.
14. O.Mann. Die Tajik-Mundarten der Provinz Fars. Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. I. Berlin, 1909, с. 135, 140-141.
15. Абъян и Кохруд расположены вблизи г.Кашана. Упоминаемые ниже Хор и Мехреджан - в центральном Иране. Говоры этих селений обнаруживают признаки северо-западных иранских диалектов.
16. P.Lecoq. Le dialecte d'Ābyāne. SI, 1974, t.3, fasc.I, с.54, 56.
17. В.А.Луковский. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I Диалекты полосы города Кашана: Вонисун, Кохруд, Кешэ, Зефрэ. СПб., 1886, с. 2, 7 (мы приводим эти фразы в латинской графике)
18. З.А.Юсупова. Сулейманийский диалект..., с. 99.
19. Л.А.Пирейко. Эргативная конструкция в северо-западных иранских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1964, с. 13.
20. С.Н.Соколов. Язык белуджей..., с. 71, 86-87.
21. P.Lecoq. Le dialecte d'Ābyāne, с. 56.
22. W.Ivanow. Notes on the dialect of Khur and Mihrijān. AO, v. VIII, Leiden, 1929, с. 51-52.
23. См. также Л.А.Пирейко. Грамматические категории глагола. - Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М., 1975, т. II, с. 290-292.
24. М.Фаизов. Язык рушанцев советского Памира. Душанбе, 1966, с. 60, 103.
25. Д.И.Эдельман. Ареальные черты в северопамирской морфологии. - Иранское языкознание. М., 1980, с. 73. Ср. также Л.А.Пирейко. Грамматические категории глагола, с. 293.
26. М.Фаизов. Язык рушанцев..., с. 64.
27. В.С.Соколова. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков. - Иранский сборник. М., 1963, с. 77.
28. Т.Н.Пахалина. Сарыкольский язык. М., 1966, с. 33, 43-45. Ср. также Д.И.Эдельман. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. - ИЯ. М., 1976, с. 85.
29. Т.Н.Пахалина. Ваханский язык. М., 1975, с. 77; Т.Н.Пахалина. Ишкашимский язык. - ОИЯ. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987, с. 525; Д.И.Эдельман. Язгулямский язык. - Там же, с. 394-396.

30. Д.И.Эдельман. Шугнано-рушанская языковая группа. - ОИЯ. Ново-иранские языки: восточная группа. М., 1987, с. 325; Р.Л.Цаболов. Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978, с. 26. Ср. также С.Н.Соколов. Язык Авесты. Л., 1964, с. 254; В.С.Расторгуева. Древнеиранские языки (авестийский и древнеперсидский). - Языки Азии и Африки. М., 1978, с. 38.
31. А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., 1951, с. 46, II3.
32. Л.Г.Герценберг. Хотаносакский язык. М., 1965, с. 91.
33. М.Н.Боголюбов. Личные местоимения в хорезмийском языке. - Филология стран Востока. Л., 1962, с. II, I4; А.А.Фрейман. Хорезмийский язык, с. 55, 78; И.М.Стеблин-Каменский. Бактрийский язык. - ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 344.
34. Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (2 Unveränderte Auflage. Berlin, 1961), с. 172I, 1726; В.С.Расторгуева. Древнеиранские языки..., с. 38.

Ирене Квонг Лай Ю

ВЫРАЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются способы выражения обстоятельства образа действия (ООД) при глаголах движения в индонезийском языке. В предложении эти обстоятельства обозначают качества или признаки действия, или способы его совершения. Напомним, что обычное (не инверсированное) ООД в индонезийском языке постпозитивно по отношению к сказуемому.

В индонезийском языке отсутствуют специальные формы слов, предназначенные для выражения обстоятельства. Грамматических признаков для разграничения качественных прилагательных и качественных наречий также нет. Рассмотрим, какие классы слов и сочетаний могут употребляться как ООД.

Обстоятельство образа действия, выраженное глаголами движения. Среди возможных способов выражения ООД наибольший интерес представляет собой ООД, выраженное глаголами движения.¹ В сочетании двух глаголов главный глагол (V_I) обычно занимает первую позицию, а зависимый (V_2), выполняющий функцию ООД, занимает вторую позицию. Перестановка V_I+V_2 в V_2+V_I в рассматриваемом материале связана, как правило, с изменением коммуникативной структуры предложения. В качестве V_2 выступают следующие непереходные глаголы (V_I):